

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ**

**Протоиерей
Тимофей Фетисов**

ректор Донской духовной семинарии, кандидат богословия,
докторант ОЦАД им. св. Кирилла и Мефодия
(344034, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Портовая, 72)
E-mail: timofet@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор исследует сущность права и его источники, соотношение правовых норм с нравственными идеалами. Сущность права рассматривается в рамках антропоцентрического и теоцентрического подходов. Предоставлен анализ работ, в которых рассматривается теория божественного происхождения права, на основе которых автор делает вывод о метафизической природе права и его тесной взаимосвязи с богословием.

Ключевые слова: право, богословие, нравственный идеал, антропоцентрический подход, теоцентрический подход/

В основе системы права лежит вечный и абсолютный нравственный идеал, воплощающийся в эмпирической земной реальности в форме юридических норм и законов. И в этом его отличие от законов, которые рождаются в посюсторонней реальности, изменяются по своим внешним словесным формам, описывают разнообразные ситуации и отношения между людьми в точном соответствии с той эпохой, к которой принадлежат. В этом смысле они культурно и исторически обусловлены. Вместе с тем, в основе всякого закона от века в век неизменно лежит вера в реальность идеала справедливости, уверенность в бытии некой правды, которая выше и важнее силы, выгоды, эгоистического интереса индивидуальных либо групповых интересов. Совсем не страх наказания, а именно подобная убежденность придает внутреннюю силу закону, не позволяя воцариться «праву силы», «закону джунглей». Нематериальность этой внутренней интенции не делает ее слабее. Напротив, являя властную мудрость Верховного Промыслителя именно по причине своей сверхъестественности она, неподвластна времени и обстоятельствам. Нисколько не умаляется она и в своей «правоспособности», ипостасируясь в то самое «внутреннее убеждение», которым руководствуется правосудие, разрешая юридический казус не по «букве» а по «духу» закона в случаях отсутствия в нем надлежащей нормы. Таким образом, право и закон не сливаются в одну сущность, действуя синергично, относятся друг к другу как душа и тело, как идея и материя. Исследование проблемы в данной постановке и является предметом настоящей статьи.

Какие идеи и ценности образуют сущность права и составляют его идеальный смысл? Предлагая богословский ответ на этот «вечный» вопрос, мы неизбежно входим в область правовой онтологии, ведь его содержание будет зависеть от того, «что?», или вернее – «кто?» определяет содержание идеи или ценности. Ясно, что указанный смысл формулирует тот, от кого они исходят. И в этом отношении существуют по сути лишь два противостоящих друг другу герменевтических подхода: *антропоцентрический*, видящий источник права в разуме человека и *теоцентрический*, для которого таковым источником является исключительно – воля Бога. В последнее время весьма интенсивно развивается такая наука, как антропология права. В этом нет ничего удивительного, если считать, что право рождается в человеческом сознании. Однако если согласиться с тем, что право, в своем онтологическом аспекте имеет и метафизическое, внечеловеческое, а значит Божественное происхождение, то мы должны развивать не только антропологию, но и богословие права. Впрочем, в религиозном смысле антропология права, также будет включать в

себя и богословие, поскольку человек, его личность, из которой происходит право, также отображает свойства Божии, являясь образом Божиим.

Теория божественного происхождения права занимает прочное, хотя и традиционно относимое к средневековой архаике, место в современной философско-правовой науке. В христианском богословии взгляд на Бога как на источник права (не только библейского) опирается на Священное Писание Ветхого и Нового Заветов и общепризнан на уровне имеющихся в Православии [1, с. 33] и католичестве [2, с. 108] социальных концепций, что придает рассматриваемой теории канонический и отчасти догматический характер. Однако, ни светская наука о праве, ни богословская рефлексия до сих пор не рассматривала эту теорию через призму догматической онтологии. Вместе с тем, очевидно, если Бог – есть Отец права, а нормы есть отражение не только Его правоустанавливающей воли, но и Его свойств, то немаловажным, а может быть, даже сказать больше – определяющим для понимания сути права будет в этом случае, прежде всего, учение о Самом Боге.

Впервые, наиболее глубоко в ранней святоотеческой письменности, тема права была осмыслена в богословии св. Климента Александрийского в контексте его учения о Логосе, в котором он усматривает одновременно и Христа-Законодателя и Божественный разум, и совокупность Божественных идей о мире. По нашему мнению, именно в учении этого раннехристианского апологета можно обнаружить твердое богословское основание для разделения права и закона как общего и частного, духа и буквы, содержания и формы.

Этот святой учитель, живший во второй половине 2-го века в эпоху, наиболее близкую ко временам первохристианства, совершенно чужд юридического позитивизма. Так, говоря о законах, он признает их таковыми в том случае, если они являют решение «верное и практически полезное»: «Предписанное законом не есть еще закон, точно так же, как и видимое нами не есть еще зрение. Равным образом и не всякое решение заслуживает называться законом, например, дурное решение» [3, с. 161].

Во-вторых, святой Климент исключает всякий утилитаризм, как известно, свойственный нормативному пониманию права. Если его и можно условно назвать утилитаристом, то только с точки зрения по-евангельски понимаемого «здравого смысла», примером которого является притча о купце, продающем всю собственность ради обретения одной единственной ценной жемчужины (Мф. 13, 46). Александрийский апологет неизменно верен теократическому правопониманию. Высшей ценностью в праве для Климента является Бог. Поэтому полезным (*utilis*) он считает такое правовое решение, в котором способна отразиться Божественная сущность: «Настоящим законом является решение верное и практически полезное, а хорошим и практически полезным является то, что истинно, истина же состоит в обнаружении истинно сущего и в приближении к нему» [3, с. 161]. «Истинно сущим» у Климента, излагающего свои мысли на библейском языке, именуется Сам Бог. Введение подобного теоцентрического критерия определения подлинного права, позволяет св. Клименту утверждать, что не только закон Моисеев, но всякий истинный закон всегда является Божественным установлением [3, с. 161]. В силу единства внешней формы и внутренней сути в личности пророка Исхода, закон, данный через Моисея, св. Климент признает образцом для других законов, «мерилом справедливого и несправедливого»: «Моисей был живым законом, говорившим и действовавшим под влиянием милосердного Логоса. (168, 1)» [3, с. 162]. «Сущий послал меня», – говорит Моисей (Исх. 3, 14).

Будучи христианским апологетом, Климент Александрийский остается верным своей миссионерской сверхзадаче – помочь эллинам осознать идейное родство библейского Откровения и наследия античной философии. Как известно, для этого он прибегает к мысли о том, что, как в Священном Писании, Логос явился в своей письменной форме, так грекам он открылся посредством природной формы в естественных законах мышления и нравственности [4, с. 29]. На первый взгляд, может показаться, что александрийский богослов здесь несколько уклоняется от теоцентрического понимания источника права. Но следующее утверждение св. Климента уверенно возвращает читателя в рамки теократиче-

ского принципа: «Поэтому, когда Платон советует взирать на единого Бога и действовать справедливо, он предстает как бы толкователем закона» [3, с. 160]. Здесь, несомненно, прочитывается не античное, основанное на этических ценностях понимание права, а библейское правосознание, в центре которого лежит послушание воле Божией и подражание Его свойствам. Несмотря на тождественность естественного нравственного закона, вложенного в человеческую природу, и закона заповедей [5, с. 36], центр права не человек, а Бог: «Логос есть круг, для которого Отец служит центром» [6, с. 514 – 515].

Выводы о «волевой» сути права, на первый взгляд, несколько противоречат тезису о его «идеальной» основе. Поэтому, с целью дополнительного герменевтического обоснования выявляемой нами «двуединой» сущности права, видится необходимым прибегнуть к богословию отцов Церкви более позднего византийского периода, усвоивших и развивших традиционную александрийскую концепцию Логоса – святителя Григория Богослова, преподобного Максима Исповедника и преподобного Иоанна Дамаскина.

В согласии со св. Климентом Александрийским, преп. Максим утверждает: «Божественный Логос открылся нам в природе и Писании: в них Он воплотился Своими энергиями, или идеями (λόγοι). Внешние формы и буквы составляют Его одежды, под которыми таинственно скрываются Его идеи, а в них и Сам Логос» [7, с. 42]. Вместе с тем, по мнению вышеупомянутых святых отцов, идеи всех вещей содержатся в Божьей воле, а не в самой сущности Бога [8, с. 227]. Данное утверждение проводит резкую границу между православным учением и неоплатонической теорией, где идеи представляют собой мысли Божественного Разума. Отличается оно и от утвердившегося в западном богословии через наиболее яркого своего представителя, – Фомы Аквината – мнения о принадлежности идей Божественной сущности. Выводя идею за рамки сущности Бога, это важное богословское уточнение значительно расширяет гносеологические пределы катафатического познания права, а также позволяет увидеть в Божественном Логосе, творящем закон, особо ценное для выдвигаемой нами парадигмы органическое единство идеи и воли. Подобное онтологическое единство разума и воли в Боге, которые, по мнению прот. О. Давиденкова, если и можно различать, то только условно [9, с. 120], позволило святому Иоанну Дамаскину ввести в тезаурус догматического богословия весьма оригинальные термины *"идеи-воления"* или *"волящие мысли"*, которые как нельзя лучше иллюстрируют богословскую обоснованность предлагаемой нами концепции [10].

Надо сказать, приведенные мнения отцов православного богословия на данную тему вовсе не противоречат разделяемой автором теории о предвечности и неизменности идеи права, ведь, согласно преподобному Максиму Исповеднику, мир творится действием божественной воли, приводящей в исполнение божественное предведение, от века заложенное в Логосе [11, с. 361]. Идеи тварного мира коренятся в вечном бытии Бога. Это означает, что, будучи вечными по своей природе, идеальные начала права, как Божественные идеи, сохраняют качество вечности даже входя в мир и живя в нем [12, с. 154]. Предметы, в которых они воплощаются, «участвуют в Боге по аналогии, в силу того, что они исходят от Него» [11, с. 361]. По этой причине идея права, реализуясь в законе, так же не утрачивает и свою неотмирность. Напротив, именно она придает закону высочайший статус божественного творения, предназначенного к устройству такого порядка в человеческом обществе, который бы максимально соответствовал замыслу Творца. Вместе с тем ни одно из идейных оснований права, даже таких высоких, как Любовь или Справедливость, не могут составлять апофатическую сущность Бога, являясь лишь «отпечатком Божественного Существа» [13, с. 195]. Это, в свою очередь, означает, что определения, которые мы формулируем в богословском поиске правового идеала, есть скорее отображение того, что некоторыми теологами было названо «характером» [14, с. 32] Бога, познаваемого в свойствах Его воли.

Таким образом, в своем теологическом аспекте право являет собой онтологическое единство воли Божией и Правды Божией, открывающейся в гармонии вечных логосов

справедливости и любви, милости и суда, истины и блага. Единство настолько тесное, что: «Правда Божия является в сущности одним из свойств Божественной воли» [13, с. 196].

Древнееврейский закон, говоря образно был – «продолжением» Бога, поскольку отображал Его личные качества, явленные в мистическом и историческом опыте Израиля. Поэтому, один из важнейших аспектов библейской правовой онтологии открывается в ее органической связи с правовой антропологией. Библейское право есть в буквальном смысле – «*imitatio Dei*»*. Законы библейского права, это те тропы послушания, которые ведут человека по пути Самого Бога, «Который не смотрит на лица и не берет даров, Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца...». [15, 16 – 19]

Так как правовые ценности в силу теоцентрического понимания права являются не автономными этическими или философскими добродетелями а проекцией свойств Бога, то и суть следования закону состоит не в исполнении того или иного правового обязательства, а в «хождении» вслед за Богом [15, 12]. С особой силой эти свойства Бога самораскрываются в событиях исхода из Египта. Одной из главных опытно познанных ценностей становится справедливость, в существовании которой израильтяне убедились в акте сверхъестественного освобождения от египетских угнетателей: «И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную» [16, 7 – 8]. Не случайно именно справедливость легла в основу Моисеева законодательства, ведь «правосудие и правота – основание престола Твоего...» [17, 15]. События Исхода, становятся фундаментом и мотивом этики подражания Богу, открывшему Себя Моисею в своей святости и милосердии: «Ибо Я Господь, выведший вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом. Итак будьте святы, потому что Я свят» [18, 45].

Что в библейском праве означает подражание святости Господа? По словам Кристофера Райта, под библейской святостью ошибочно подразумевается некое личное благочестие или обрядовая чистота, точность в выполнении установленных жертвоприношений, пищевых запретов и т. п.: «Конечно, в девятнадцатой главе книги Левит говорится о некоторых из этих составных израильской религии. Но большая часть главы показывает практическое выражение святости, отображающей личную святость Бога. Она включает в себя щедрость к бедным во время жатвы, справедливость к наемным работникам, честность в судебных процессах, внимательное отношение к другим, непредвзятость к пришельцам из чужих стран, честную торговлю и прочие общественные, достаточно приземленные вопросы... Поэтому повиноваться Божьим заповедям – значит отображать Бога в жизни человека. Послушание закону и подражание Богу – не взаимоисключающие категории: одно является выражением другого» [14, с. 32 – 34].

В попытке сформулировать положительное библейское учение о праве и государстве на наш взгляд необходимо исходить из христологических предпосылок. Полнота Боговоплощения свидетельствует о том, что материя человеческой жизни не менее нуждается в восприятии и освящении, чем ее духовная сторона. Как замечательно в этом смысле писал С. Франк, «все содержания и ценности человеческой жизни: семья, наука, искусство, хозяйственная деятельность, государство и национальная жизнь – должны либо получить религиозное оправдание и освящение, быть восприняты, как многообразные формы служения Богу и в этом смысле войти в состав религиозной жизни, жизни в Боге, – либо, если это невозможно, должны быть просто осуждены и отвергнуты, как зло. Ибо вне связи с Богом и, следовательно, с церковью, как жизнью в Боге, может и должно остаться только одно – чистое зло, то, чего вообще не должно быть и что, в более глубоком онтологическом смысле, вообще *не есть*, не имеет подлинных корней в истинном бытии...» [19, с. 3].

* «Подражание Богу» (лат.).

Подводя итоги, заметим, что, будучи по своему источнику трансцендентным творческому миру, являясь Словом Живого Бога, право имеет метафизическую природу, а потому его сущность может быть наиболее адекватно описана лишь языком богословия. Выходит, что только теоцентрическое осмысление права, как слова Божия способно открыть его подлинный и вечный метаюридический смысл: «На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах» (Пс. 118, 89). Для этого, безусловно, требуется непредвзятый поиск и глубокое богословское осмысление онтологических Божественных оснований этих явлений в свете Библейского Откровения и Предания Отцов Церкви. Учитывая постепенность и многоступенчатость Откровения, в подобных изысканиях необходимо исходить из внутреннего понятийного, телеологического и типологического единства текстов Священного Писания Ветхого и Нового заветов. Ведь, библейское право представляет по своей сути целостную мировоззренческую систему, основанную на богословской симфонии идей Божественного Откровения.

Литература

1. Основы социальной концепции РПЦ / Христианская этика и светское право. М., 2001.
2. Компендиум социального учения Церкви. Изд. «Паолине». Минск, 2004.
3. *Климент Александрийский*, свт. Строматы. Т. 1. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
4. *Климент Александрийский*, свт. Строматы. Т. 3. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
5. *Платон (Игумен)*, арх. Православное нравственное богословие. М: Изд-во СТСЛ, 1994.
6. *Попов И. В.* Труды по патрологии. Т. 2. М: Сергиев Посад. 2004. *Епифанович С. Л.* Преп. Максим Исповедник и византийское богословие. Киев.1915.
7. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
8. *Давиденков О.* прот. Догматическое богословие: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
9. Преп. *Иоанн Дамаскин*. Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл. II.
10. *Мейендорф И.*, прот. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001.
11. *Зеньковский В. В.* Основы Христианской философии. М.: Канон +, 1997.
12. *Зарин С. М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. Киев. 2006. С.195
13. *Райт Кристофер*. Око за око. Этика Ветхого Завета. Издательство «Коллоквиум». Черкассы, 2011.
14. Втор. Гл. 10. Стихи 16 – 19, 12.
15. Исх. 3, 7 – 8.
16. Пс. 88, 15.
17. Лев. 11, 45.
18. *Франк С. Л.* Церковь и мир, благодать и закон / Журнал "Путь". № 8. Париж, 1927.

Archprb. Timotheus Fetisov, Candidate of Divinity, Rector of Don Seminary, Doctoral Candidate, Department of Social Sciences, Ss Cyril and Methodius School of Post-Graduate and Doctoral Studies (72, Portovaya st. Rostov-on-Don, 344034, Russian Federation).

THE ONTOLOGIC ASPECTS OF THE THEOLOGICAL RIGHT UNDERSTANDING

Abstract

The nature of law and sources of law as well as the correlation between legal norms and moral ideals are under consideration in the present article. The essence of the law is being discussed within the anthropocentric and theocentric approaches. The analysis of the scientific works that deal with the theory the divine origin of the rights is presented. In conclusion, the metaphysical nature of the law and its close connection with theology is stated.

Keywords: law, theology, moral ideal, the anthropocentric approach, theocentric approach.

References

1. Osnovy social'noy koncepcii RPC / Hristianskaya etika i svetskoe pravo. M., 2001.
2. Kompendium social'nogo ucheniya Cerkvi. Izd. «Paoline». Minsk, 2004.
3. Kliment Aleksandriyskiy, svt. Stromaty. T. 1. SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2003.
4. Kliment Aleksandriyskiy, svt. Stromaty. T. 3. SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2003.
5. Platon (Igumnov), arh. Pravoslavnoe npravstvennoe bogoslovie. M: Izd-vo STSL, 1994.
6. Popov I. V. Trudy po patrologii. T. 2. M: Sergiev Posad. 2004. Epifanovich S. L. Prep. Maksim Ispovednik i vizantiyskoe bogoslovie. Kiev.1915.
7. Losskiy V. N. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. M., 1991.
8. Davidenkov O. prot. Dogmaticheskoe bogoslovie: Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo PSTGU, 2013.
9. Prep. Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very. Kn. 2, gl. II.
10. Meiendorf I., prot. Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie. Klin, 2001.
11. Zen'kovskiy V. V. Osnovy Hristianskoy filosofii. M.: Kanon +, 1997.
12. Zarin S. M. Asketizm po pravoslavno-hristianskomu ucheniyu. Kiev. 2006. S.195
13. Rait Kristofer. Oko za oko. Etika Vetkhogo Zaveta. Izdatel'stvo «Kollokviy». Cherkassy, 2011.
14. Vtor. Gl. 10. Stihi 16 –19, 12.
15. Iskh. 3, 7 – 8.
16. Ps. 88, 15.
17. Lev. 11, 45.
18. Frank S. L. Cerkov' i mir, blagodat' i zakon / Zhurnal "Put'". № 8. Parizh, 1927.

УДК 340.114.5

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

Протоиерей

Тимофей Фетисов

ректор Донской духовной семинарии, кандидат богословия,
докторант ОЦАД им. св. Кирилла и Мефодия
(344034, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Портовая, 72)
E-mail: timofet@mail.ru

Аннотация

В данной статье автор исследует влияние комплекса человеческой личности на природу права и социально-правового взаимодействия. Применяя герменевтический метод, автор апеллирует к понятию «правовое мышление», которое осуществляется всем интеллектуальным, эмоционально-волевым и культурным комплексом человеческой личности. В качестве герменевтического центра и движущей силы правосознания предлагается считать «сердце».

Ключевые слова: право, правосознание, личность, сердце, знание, богословие, любовь.

В определенном смысле право, если говорить о нем, как об отображении свойств Творца – это икона Бога. Это означает, что рассмотрение библейского права выходит за пределы рационального познания, а значит обычные философские методы здесь не подходят. По мнению Патриарха Варфоломея: «Важное различие, с точки зрения православного